

Весь сонм богов космической волной
В нас пребывает на узлах энергий
На крыльях Вечности, смеясь над сумрачной Судьбой.
О слава вам — Шри Матаджи потокам звездным, чьей волею вы
Кали-Югу в прошлое низвергли.

Поет ковром садов Парамчайтанья-Мать,
Цветы небесные по душам рассыпает.
Ей помогает тех потоков многоцветных рать,
Которую Она очами призывает.

Средь ароматной свиты всей
На звездной мышке Шри Ганеша мчится всех лучей светлей
И входит в нас невинностью, рождая радуг бровь,
Полнясь предупреденною легкой ручейковой песней
И утирая слезы стран скорбящих — тех, где реет фальшь и кровь,
Даря о Сатъя-Эре вести.

Посланец Вечности и Простоты,
Источник искр Искренности вешних ливней
Поет волнами гор и горней Чистоты,
Симфоний Начал рассветно-неизбывной.

Кораллы алых нитей муладхары Мироздания держат всех богов —
Вирату* Вышним ветром порожденных,
Сбивая влет проклятье дум-оков,
Ведя из дней, Чумой изборожденных.

(5) Дочерям и сынам Господа

Во всех сияниях священных
Поете вы единым божеством
Струнами шудха видья** арф златых нетленных,
Вселенной изначальным торжеством.

Луга Святые духом зримы,
В них — торжество Любви всей.
Огнем ее цветы творимы
В неисчислимости своей:

* Вирата — объединенный образ Совершенства всех функциональных аспектов Мироздания, отраженных в человеке, описываемых через божественные принципы и связываемых с определенными божествами. Вирата есть неразрывная целостность всех дхарм (законов восхождения Духа).

** Шудха видья — Знания о чистоте. См. [8. С. 10].

То ваши души во Вселенной,
Хранимые Богом-Отцом.
Среди мазута жизни брэнной
Пресветлым видитеcь лицом.

О чистосердья братья, сестры!
Фиалки Чистой жизни всей!
Невежественные лишь пестры,
А вы как утро средь полей:

Лишь Доброту собой несете,
В незримость уходя душой,
И тайной знаний всех поете
Любовно, солнечно, свежо.

(6) Юмор маяты

У природы — вечно роды,
У утробы — несыть-рты.
Эти наши несвободы —
Тел помятых небосводы,
Знаки брэнной маяты.

Но из этой нескладухи
Можно выйти из горла,
Что закрыто лишь для Зла,
Ходят-бродят даже слухи,
Что — в чем мама родила.

(7) Стихи-дебоширы

Вам смех, а мне — узда навек: стихи родятся — дети,
И ясно, что их гомон-бег — не только рай на свете.

Вчера сорвались вдруг с петель или с цепи — не знаю,
Расшибли дебоширы дверь, что притулилась с краю

Земного мира *правил* всех насупленно-суровых,
Которые нас — воплощенный грех — и в снах терзать готовы.

Они имеют твердый лоб и перст один — грозящий:
«Не фантазируй слишком, стоп — уж больно путь скользкий...»

Ты нас ничем не удивишь... Ах, это все от Бога?!...
Смотри, есть рифма: «тишь» и «мышь» — вот верная дорога!».

О милые друзья мои, «сурьезные» до смерти!
Вы видите, с ума стихи сошли от вас, ох черти!

Найдя брешь среди стен земных, прошли в край Весен Вечных.
Там, знаете, живем все мы вне сует бесконечных.

И надо б строфы приструнить, да шкодят — не усмотришь:
Начнут вдруг в Вечности топить — здесь что только не вспомнишь!

Ну вроде вышел из воды почти не утонувшим,
Так ведь намеки: «Знаешь, ты вдруг стал совсем заснувшим!»

Смотри, мы дверь снесли с петель — эх папа-воспитатель!
Хотя за ней ведь — рай-апрель — бежим наш излагатель!»

«Куда вы тащите меня? Ведь хоть с похмелья скажут,
Что Новый год грядет на днях! Нас *правила* накажут!»

Глядишь, в параграфы свернут, в прошедшем дне засушат!
Свихнул Пегас вас, баламут, о мои строки-души!»*.

(8) Вино Вечной Женственности

Легкое кружение входит от тебя
И дарит скольжение в Вечности путях,
Где твои лишь крылья, чистые как снег,
Разошлись над стылёю беспросветных лет.

Где власы-каштаны в Неба сад ведут,
Под которым страны все о чем-то лгут,
Где лишь Бесконечность и сирени трель,
Радости-беспечности горняя капель.

* Пегас — в древнегреческой мифологии — крылатый конь, который родился из туловища Горгоны Медузы вместе со своим братом Хрисаором после того, как Персей отсек ей голову. Беллерофонт взнуздal Пегаса данной ему Афиной божественной уздой и победил с его помощью Химеру. Ударом копыта Пегас выбил на горе муз Геликоне Иппокрену (конский источник), поэтому позже Пегас стал конем поэтов. Когда Беллерофонт захотел на нем взобраться на небо, Пегас его сбросил. На Олимпе Пегас подносил Зевсу молнии и гром. Образ Пегаса отражен в живописи Тьеполо, поэзии Шиллера. По тексту [4. С. 416].

Там ты — ангел легкий — быстрокрылый Свет,
По мирам далеким под кифару лет
В радости кружишься, будто майский звон,
Колоколю мчишься, гоня сует сон.

(9) Босая тропинка

Запахи реки и детства ветроногим илом веют,
Сенниковое соседство душу среди бетона греет...

И бревенчатым напевом под аккорды сабантуя
Я бегу из жизни влево — вглубь, той памятью ликуя.

Бось-тропинка в огороде коромыслом вниз сбегает
И упругит ивой вроде, Иртышом поется-тает...

И польню-тайной дышит, как она, идет до крыши
Теплого двора и слышит то, что всего выше, тише,

Рассыпается на печке, как стариннейшие свитки,
На вселенские колечки, что просохли все до нитки.

(10) России Любви Изначальной

Россия ликующих Весен!
Среди твоих солнечных сосен
Живет Радость Матери Чистой:
Вибрирует Нирмалой просинь
Волною пронзенно-лучистой.

Россия Любви Изначальной!
В Чаше твоей Хрустальной
Звучат всех вселенных цветы
Неслышанной музыкой дальней
Безмерной святой красоты...

Россия — проталина Духа!
Касаясь тончайшего слуха,
Несешь эту Весть неземную,
Средь тленно-чумного стука
Даришь музыку немую...

Россия — Небесная Воля!
Под струны Звездного Моря
Звенишь распростертым сонетом,
В котором — Вечности зори,
Ликуюешь симфонией Света...

(11) Божественный Свет

Нет, это не я пишу — то кто-то оттуда, свыше,
И также не я дышу — то тело земное дышит.
Меж ними душа все слышит, все знает и говорит:
«Тобою Свят Дух творит — Тот, Кто всех таинств тише...»

Нет, это не я тружусь над миром заиндевелым,
Средь сует-пустот не вожусь — то Бог творит Свое дело.
Он дал поносить лишь тело, которое мир целит
И солнце свое лучит, и ветром несется смелым.

Нет, это не я пою — Нирма́ла волною нисходит.
Веленьем Ее творю. Свет в эти руки входит
И вас всех, родных, находит и в ваших очах горит,
Огни Чистоты дарит во днях, когда тьма колобродит.

(12) Пилоты Бога

Настало время полетов.
Что это значит?
Быть среди Бога пилотов —
Земля уж от боли плачет,

Глядя на всю непотребность
Многих, сбившихся в стаю,
Орущих и жрущих, прибылей ждущих, не сердцем живущих.

Настало время полетов. Я знаю.
Это красиво — быть Бога пилотом,
Духом святым — чистым, всемерным,
Чайтаньи бессмертной быть светом планёрным.
Это блаженство — стать лишь полетом.

Это высоко — быть чистой искрою,
Мглу побеждать Любовью ответной,
Соколом Вышнего быть и, не скрою,
Нежной, ласковой быть струною.

XVI. СЕМЬ НЕБЕС МИРОЗДАНИЯ

(1) Нирмала Звездная

Ты — костру родная песня, Свет среди ночей,
От очей Твоих земь тесна — таю с их лучей.

Твой Поток средь зим печальных бережно храню,
Чищу Ночь стихов свечами, всех зовя к Огню

Майских дней Твоих посланий, Нирмала-Матá,
Что целят от тьмы скитаний, о Духа Красота...

(2) Нирмала-Снегурочка

Свет Твой вселенскою тайной звучит:
Множатся образы просто без счета,
Весна свой магический Ветер лучит,
Подснежники тянутся к птичьему слету...

Прохлада Твоя звучит гимном надежд,
Талой волною Снегурки беспечной
И серебрит Чистотою одежд —
Семи покрывал бесконечности млечной.

(3) Стану дождем...

Господи, поющий в мирозданиях всех,
Радость раздающий, уничтожь слов грех,
Одари молчаньем вечности средь тшет,
Солнечным звучаньем принеси Свой Свет!

Снег и костер — два предвечных собрата,
Как я в них верю средь бреди слепой.
Кончится жизнь — эка утрата —
Стану дождем, горной речкой, росой...

Что здесь нас ждет? Бесконечье страданий,
Кривлянье глумленья, распятыя позор.
Это уйдет и останется пенье —
Вечной Вселенской Любви узор.

(4) Пожарище сует

Милая Нирмала сердце заполнила
Своей Чистотой Несказанной,
Шри Картикеи сонмами молний
Сожгла тленный сон престранный,
Дав пробужденье от морфия земного ада.

Земля, не покину тебя я до срока —
Чашу сей жизни выпью до дна.
В ней не погибну душою для Бога —
Разум Вселенной спасет от тьмы Сна.

Сна запрессованных в муку желаний
И бесполезных удушливых дней,
Сна раскаленных по-адски мечтаний —
Мглы поражений пред Вечностью всей,

Сна дум и дел без Солнца и Сердца
И механических quasi — стихов.
В эти пожарища замкнута дверца
Нирмалой-Дургой, что рвет сеть грехов.

(5) Возвышенное целое

Фугато* дней все стреттней, все тесней
И Небо в Сердце все нежнее льется,
А то и радо: так в блаженстве бьется,
Живя-звения-летя-горя в Божественной Весне.

Слышу тон-всаторжественность отстрадавшей души,
Ее вечность — божественность средь безбогой глуши.

Вижу, как в мирозданиях Дух наш огнём живет,
В их галактиках-зданиях Чистотою поет.

Обнимаю вселенные, их блаженством дышу
И в пространства нетленные золочусь-ухожу.

Как возвышенно целое, гениален Творец,
Он сияние белое дарит нам наконец.

Принимайте от Матери Ади Шакти-Любовь,
Да не бойтесь искатели: заслужили вы новь

Тем, что Зла вы каратели, что пролили боль-кровь,
А не праздногадатели и не ленная бровь.

* Фугато — в музыке полифонический прием последовательного включения голосов методом имитации первоначально вступившей одноголосной темы в других голосах по законам экспозиции фуги.

За святую, нездешнюю жизнь без низких оков
Лились чистой песнею и несли Свет богов:

Шри Ганеши*, Шри Матаджи — всего сонма без дна,
Вновь родившихся в сахадже в Деви Нирмалы днях.

(6) Зачем столько солнц негасимых?

Звуча, звуча, звуча в аквариуме Неба,
Молча, молча, молча снаружи от него,
Так хорошо за краем, где из иного хлеба
Все состоят стихи и нет земной тоски...

Зачем столько глаз любимых?
Чтоб звезды звенели нежнее
В потоках неутомимых,
И ветры вселенных ранимых
Дышали б лугами босыми
И в Вечность летели, хранимые
Словами из радуг простыми.

Зачем столько солнц негасимых?
Чтоб в Небо уйти не от горя —
С лучами сердец любимых,
Волнами их горнего моря...

* Шри Ганеша — ребенок-божество с головой слона, обладающий качествами невинности, чистоты, радости, пронизательности и абсолютной мудрости. В индуистской мифологии — «владыка ганы» (объединения) божеств, которые составляли свиту Шивы. В эпосе и пуранах Ганеша — сын Шри Шивы и Шри Парвати. Он изображается с человеческим туловищем красного или желтого цвета, большим шарообразным животом, четырьмя руками и, как отмечалось выше, слоновьей головой, из пасти которой торчит всего лишь один бивень. Детали внешнего облика Шри Ганеши получают объяснение в мифах, подробно изложенных в «Брахмавайварта-пуране» и «Ганеша-пуране». Один из них рассказывает, что на празднество рождения Шри Ганеши забыли пригласить бога Шани (персонификация планеты Сатурн); из мести тот испепелил взглядом голову младенца, и Брахма (Шри Брахмадева) посоветовал Шри Парвати поставить ему голову первого же существа, которое ей встретится; таковым оказался слон. По другому мифу сам Шри Шива в гневе отсек голову своему сыну, когда тот не пустил его в покой Шри Парвати; затем, однако, чтобы утешить свою супругу, он приставил к туловищу Шри Ганеши голову слона. Один из своих бивней Шри Ганеша по одному из мифов потерял в поединке с Парашурамой; последний пришел навестить Шри Шиву, но тот спал, и Ганеша отказался его пустить; тогда Парашурама бросил в него свой топор и отсек ему правый бивень. Другой миф говорит, что сам Шри Ганеша отломал у себя бивень, сражаясь с великаном Гаджамукхой, и бросил его в своего противника. Бивень обладал магической силой и превратил Гаджамукху в крысу, которая стала ездовым животным (ваханой) Шри Ганеши. По тексту П. А. Гринцера [2, Т. 1, С. 264].

(7) У музыки нет страха...

Мне с музой хорошо:
Стихи звучат не в слове —
В значениях иных, энергетических (то — внове):
Своею лишь душой...

Звучит партита* Баха — сползает время в пропасть...
У музыки нет страха — есть святость и есть строгость.
Она собой, безмерной, объемлет мир волною
И в тишине бессмертной поет с твоей душой.

(8) Звездный Иоганн

На рессорах баховских синкоп
Двигается тревожное барокко,
Иоганна просветленный лоб
Пробивает брешь в темнице рока.

Шквалом лет бесчинствует орган,
Задыхаясь и хрипя в педалях.
Точно знаю: это не обман —
Бог по нам скорбит в барочных далях.

(9) Глоток Небес (Д. И. Шарабарину)

Средь хмари блуждающих мыслей
Вдруг Чистота прорвется
От Бога из Вышних Высей
И вешним лучом отзовется.
Всем сердцем тот Свет собираю,
К нему возношусь, приникаю.
О Боже, средь этого рая
Остаться навеки мечтаю.

* Партита (ит. *partita*, букв.: «разделенная на части») — XVII—XVIII вв. сюита, т. е. циклическое музыкальное произведение из нескольких самостоятельных пьес, для которого характерны относительная свобода в количестве, порядке и способе объединения частей, наличие жанрово-бытовой основы или программного замысла. По тексту [3. С. 411, 529].

Глоток Небес Синекрылых
Вдохну и проснусь поэтом,
От сует летя постылых
Звонким предвечным светом.

Столько тепла сохранил на строках,
Сердце раскинул по ним солнцеоко;
Оно золотится в стогах и руках,
Поет, унося преходящего рокот

Так, что Надежд и Любви корабли
Вместе сошлись шелков парусами,
В тихом зеркалье сон-время сожгли
И стали: лесами и небесами,

Пером облаков и хвоинок-лучей,
Вина времен превращающих в строфы,
Стали цветами стихов в льдах ночей
Этого хинного мира — Энрофа*.

(10) Россия-девушка

Никак не возьму в толк, зачем
Носим телесную шкуру;
Чем наши души, чем
Творцу насолили сдуру?
Как пошло все в физике-тьме:
Машины, витрины, гардины...
О скажите вы мне,
Кто избавит от вешной пучины?

Девушкой-зорькой светаешь, мир согреваешь собой,
О молодце звездном мечтаешь, который дракону б дал бой.
Мечту свою звездную любишь — шлешь, к ней разлет кораблей;
Знаю: раз любишь — погубишь касту кашеев-зверей.

И мир перестанет грохать, телом борделей маня,
И будут в сказаньях лишь охаты, ушедшего гада кляня.
Хотя... даже клясть лень им будет — простят Люцифера они,
Вот только вряд ли забудут атомногрибые дни.

* Энроф — см. сноску на с. 72.

(11) Гимн приходящей Сатье-Юге*

Искры-души, вижу вас — огневые солнца!
Дышит Свет из ваших глаз, келий что оконца.

В мир нисходит Бог и мир для рассветов счастья,
Сна-вранья стораает спирт, с ним — и все ненастья:

Наводнения, тайфуны, атомные страхи,
Саранча и грызуны, рваные рубахи.

Разделение идет: кто на доживанье,
Кто в серебряный полет — в архангелосознание.

Без вуалей здесь пишу — под диктовку Бога.
Для Него свечу, дышу Солнцем-недотрогой.

Сбросил Эго старый хлам, всех простил от сердца.
Знаю — только так в Бедлам затворится дверца.

С утра входит и Любовь на руки волною,
Строф божественная кровь пишет вирши мною.

Тихи Боговы стихи, кротки и наивны,
К беличьим кругам глухи, как радуги, невинны.

Звезды льются в сих стихах, бархат хладный дарят
И звенят в струнах-руках на Небес кифаре.

* Сатья-Юга — в индуистской мифологии первый из четырех мировых периодов космического цикла — махаюги. Чередование периодов следующее: (1) Крита-Юга, или Сатья-Юга, когда люди наделены всевозможными достоинствами, не знают горя и болезней; царит всеобщее равенство, все поклоняются одному божеству, и существует лишь одна веда; (2) Трета-Юга, когда справедливость постепенно уменьшается, появляются пороки, но все строго соблюдают религиозные обязанности; получают распространение всевозможные жертвоприношения; (3) двапараюга, когда в мире начинают преобладать зло и пороки; единая веда делится на четыре части, и уже не все способны постичь и исполнять ее; людей поражают недуги; (4) Кали-Юга, когда добродетель приходит в полный упадок, жизнь людей становится коротка, полна зла и грехов, они истребляют друг друга в войнах; цари губят подданных, праведники бедствуют, а преступники процветают, женщины предаются распутству; в человеческих взаимоотношениях царят ложь, злоба, алчность; веды — в полном пренебрежении. Отмеченные юги находятся во временном отношении 4 : 3 : 2 : 1 или 1728000 : 1296000 : 864000 : 432000 (лет). По тексту В. Н. Топорова [2. Т. 2. С. 676]. Близкая закономерность временной цикличности найдена автором стихов применительно к процессу эволюции художественного (в большей мере музыкального) мышления [9].

Чандикой поет их храм, Амбикой сияет,
Деви Нараяни* там мир весь созидает:

Земли, воды, голоса, мысли и народы,
Сны, знаменья, чудеса, звезды, ветры, годы.

В росном сердце Храм тот ждет Света распознания
И сандала благость льет истиной-прозраньем;

Но как много рваных ран сей покой сжигают —
Ненависти глупый хлам свалками рыгает.

Прочь! Умытые миры входят в Дух волною,
Как арфовые дары их играют мною!

Ароматен их ветр-свет — огненное счастье,
В нем вещей никчемных нет — мертвого ненастья...

(12) В Заоблачье, в Вечность

Застыли в мае пролиты цветов:
Тюльпанов, Вечности, Сирени небоокой,
Кипением немых садов,
Мелодией разметанно-высокой.

Та флейта нежности безумно-золотой
В смиренности надзеркалий-надпределей
Дарует голос распостерто-твой,
Гоня химеры зелий-подземелий.

Они ушли — их смёл вот этот Свет,
Что смел твоими детскими устами.
О знаю, что скончания нет
Их поцелуюм, дышащим цветами.

Чувствую — можно взобраться
Все выше и выше в себе же;
Ведь мы, что стволы сверхдеревьев,
Уходим в Заоблачье, в Вечность —
До самого-самого Бога,

* Деви Нараяни, Амбика, Чандика — божественные аспекты Шри Матаджи Нирмалы Деви — хранительницы Мира от зла, сокрушительницы Тьмы в различных ее обликах, являющейся Небом, которое можно достигнуть через высокие героические деяния. Об этом см. [5. С. 8, 38—42].

Не зная об этом так часто,
И, если взбираться не ленно,
То путь по Сознанию-Свеченью
Не смолкнет в садах вознесенных —
Так древо Вибраций-Энергий все зиждящих
В нас бесконечно...
Уходит оно в звездный ветер...

XVII. СЕРЕБРЯНЫЕ ЛУЧИ НА ТРОТУАРАХ

(1) Вечная Женственность, ниспадающая Гангой*

Встречей вечно светишься Ты в моих лучах-пульсарах,
Звездным ветром реешь-мчишься, серебрясь на тротуарах.
Я иду к Тебе с надеждой — Пресвятой Богине Счастья
По лучам Шакти, как прежде, средь восторга и безгласья.

Небо все цветет Тобой, расплескавшись Божьей волей.
В нем поток с Твоей ладьею, что летит над царством болей.
Ты скользишь рекой воздушной, ниспадая Гангой святой,
Без Тебя мне пусто, душно, сердце тучами объято.

* Ганга — в древнеиндийской мифологии небесная река, дочь царя гор Химавата и сестра Парвати, изливающаяся на землю, олицетворение индийской реки Ганг (на санскрите — имя женского рода). В «Ригведе» Ганга упоминается только два раза, но в позднейшей мифологии играет значительную роль. Согласно пуранам, Ганга, вытекая из пальца Вишну, сначала пребывала только на небе, но затем была низведена на землю по просьбе царя Бхагиратхи, с тем, чтобы оросить прах его предков — 60 000 сыновей Сагары. Когда Ганга падала с неба, ее принял на свою голову Шива, дабы она не разрушила своей тяжестью землю, а с его головы она стекла вниз уже семью потоками. Далее течение Ганги было прервано на некоторое время мудрецом Джакну, который выпил ее воды, но, умилостивленный царем Бхагиратхой, выпустил их через свое ухо. И, наконец, слившись с океаном, Ганга ушла в подземный мир паталу. В качестве богини Ганга рисуется восседающей на фантастическом морском животном макаре, с сосудом, наполненным водой и лотосом в руках. Один из мифов рассказывает, что мужем Ганги стал царь Лунной династии Шантану, от которого она имела восемь сыновей — воплощений — васу. Детей, как только они рождались, Ганга бросала в воду, чтобы избавить их от человеческого состояния, но последнего сына, покидая Шантану, оставила ему на воспитание. Этот сын, названный Гангадаттой («дарованный Гангой»), стал известен под именем Бхишмы — двоюродного деда и наставника пандавов и кауравов. В индуизме река Ганг считается священной, по индуистским представлениям ее воды очищают от грехов, избавляют от болезней. Центры паломничества у берегов реки Ганг: Хардвар, Аллахабад, Варанси, Сагар и др. По тексту П. А. Гринцера [2. Т. 1. С. 263].

Но лишь Свет-Весна коснется Твоих образов-велений,
Только сердце отзовется на цветение и пенье
Дивных солнц, что над главою у Тебя всегда сияют,
Как безмерная секвойя, я от счастья ввысь взрываю.

(2) Под куполом весеннего дня

По веснам — улыбчивым соснам — бегу под куполом дня
Навстречу невидимым звездам, стихами и солнцем звеня.

То солнце во мне вдруг родилось музыкой жемчужно-простой,
Детской душой засветилось — Мариной — морскую волной.

Флейтовые птички напевы, что так беззащитно чисты,
И справа несутся, и слева ветрами живой красоты.

(3) Весна Божественная

Воздух будто тает — хладями летает,
Играет все с богами, что светятся цветами
Вместе с птицей-Солнцем — космическим балконом
По Весне начавшейся...
Здесь Гелиос блаженствует от всех проталин женственных,
Что, как снегурки, тают, лимонницам играют
На запахах челесте*...
Те бабочки влюбленные, из хвои возрожденные,
Из холодов завьюженных, снегов ветром утюженных
Поют лучами-лентами — платьями-серпентами...

(4) С галактических берегов...

О прохладные потоки с галактических берегов!
Ваши крылья — нежнооки, далеки от тьмы веков...
Лишь по радуге надежды в те возносят Небеса,
Где струятся звезды-вежды — Бога росные глаза.

* Челеста (от итал. celeste — небесный) — клавишно-ударный инструмент, внешне похожий на небольшое пианино или фисгармонию. Нажатие клавиши заставляет молоточек, обтянутый войлоком, ударять по стальной пластинке (или трубке), вызывая звучание, напоминающее тембр колокольчика с серебристым оттенком («небесный звук»). Челеста была изготовлена парижской фирмой «О. Мюстель» (патент 1886 г.). Используется в симфоническом оркестре (введена П. И. Чайковским в балладу «Воевода», балет «Щелкунчик»), а также разнообразных составах в музыке XX века (Антон Веберн, Арнольд Шёнберг, Оливье Мессиа́н, Бела Барток и т. д.). По тексту [3. С. 621, 56], а также Ц. Когоутека [10. С. 310, 312, 314].

(5) Просека весенняя

Просека, ты симпатична: миги-сосны разрываешь
Солнцепятенным пробормом, даль и глубь собой являешь,
Плещешь птичьм перебором, медунницами светишься
И назло всем псам-заборам лишь открытостью лучишься.

Просека, ты поэтична: бабочки в тебе порхают —
Дымку-синеву бодают с лучезвоннейшим напором,
Серпантинком наряжают хвойный воздух, то вдруг тают,
То вновь лето рассыпают крылоогненным узором —
Счастьем трелевым порхают — Куперена* вспоминают...

(6) Вселенский псалтырь

Как жаль несозданных стихов,
Непознанных их берегов,
Прорывом не рожденных строк,
Не давшим Вечности урок.

Шелестит всевременем шум: это слышен полет Земли;
Это тысячи древних рун заколдованно в мир вошли,
Расплескали древние сны, разорвали бумагу дней
Эзотерикой звездной волны средь истерики душ и вещей.
И сошла вдруг Мария с икон, и нашелся вселенский псалтырь,
Из разбитых витражных окон смотрят в мир Мардохей и
Есфирь**...

* Куперен Франсуа (1668—1733) — французский композитор, клавесинист, органист. Выдающийся представитель семьи Куперенов, давшей несколько поколений музыкантов, прозван Купереном-великим. Наивысшие достижения Куперена связаны с музыкой для клавесина: он подытожил и развил открытия Ж. Б. Люлли и предшествующих композиторов-клавесинистов (Ж. Шамбоньера, Л. Куперена). Стилю Ф. Куперена присущи все черты стиля рококо, получившего развитие в европейском искусстве 1-й половины XVIII века: камерность и миниатюрность форм, господство хрупких, грациозно-кокетливых и игривых образов, обилие изысканной мелизматике и т. д. По тексту [З. С. 286, 468].

** Есфирь — дочь Авигалла из колена Вениаминова, согласно Ветхому завету, ставшая царицей, супругой персидского царя Артаксеркса (Ассуира Лонгимана). Была воспитана своим родственником Мардохеем. Оба имени связаны с историей чудесного спасения иудеев от грезившего им истребления со стороны первого вельможи Артаксеркса Амана, ненавидевшего евреев. По тексту [1. С. 244].

(7) Иллюзия — от неведенья

Странны, странны стран обманы:
Так зовут с телеэкрана
Их мечты, надежды, планы.
Глядь — попал в те рты-капканы.
И уже сам — вечный странник —
Ешь тех стран обманник-манник.

Не все замечаем мы, что Небо в виденьях дает.
Как часто совсем лишены той Правды, что в звездах поет.

Желаем-страдаем впотьмах и кличем себе же беду,
Живя в бесприютных домах, нами же проклятых-смятых в бреду.

В мире таком ничто не цветет, лишь всхлип саксохрипа рыдает и
пьет.
Все ждал, что античная арфа споет, но в струнах капрон и арфа-
та врет...

(8) Миражи ощущений

В шуме сует блекнут души всех вещей под лжью явлений.
Голос их тем тише, глуше, чем конкретнее виденья.

Мозг наш цельность отрицает, врет всечасно и печально
По-трехмерному фатально. Вся отдельность бредит-лает,

Ум средь фикций «прорицает», тело Вечность отрицает,
Время ложью поползает... Бесконечность ускользает...

Тонкий мир впадает в немость, грубый — городит проблемность;
Действует локтями Эго, что есть альфа и омега
Всех бесчисленных пороков — ингредиентов в пойле Рока.

Мир сует, всем верховодя, сна соизждет половодье;
Фальши патока глянцеует лица, те душой фарцуют.

Корчат явь во злобе гномы, не сердца в ней — метрономы.
Жадность рвет кусок послаци омерзительно кричаще.

Для свидетеля немого — нашей Совести нетленной —
Ощущать больней больного врань телес постыдно-бренных.

(9) Круговорот Божественного в поэзии

Есть чудесная почта, она там, где сердце,
Она — в царстве четырехмерном...
Все незримые встречи, прощанья, поступки
Происходят в мгновение
И без корки какой-либо фальши.
Там мы все под лучами ликующей Вечности,
Там живые и мертвые без разделенья в общеньи.

Слова Любви, как дети: их глаза ясны,
Какой улыбкой одаряют нас чудесной,
Пройдя через забвенья льды и сны,
Они восходят вновь в стране стихов небесной.

Я их целю, прощаю и новлю,
Не ведая истисканных канонов.
Их водопад бесхитростно люблю,
Храня от угари фальшивых звонов.

Они, как солнца, Радостью живут,
Из чистой Чаши Неба возникая,
В сердца потоками покой несут,
В тиши миров Всевышних тая.

(10) Руны нежности

Посвящается Елене Владимировне Фоминых

Облака летят — мысли немые Земли,
Тихой грацией Вечность целуя —
Это ангелы в Вышние плесы пришли,
Фимиамом в лазури ликуя;

То — дыханье цветов и следы твоих влас
На божественно-легком экране,
То — письмо Чистоты — Деви Нирмалы глас —
Руны нежности в Синем Коране;

То — желанье влететь на потоках Весны
В изумленные лепеты Солнца,
То — побег анемон и лимонниц лесных
Через бликов златые оконца.

(11) Звездная стихия стихов

Стихи, вы — звездная стихия, венки невинности и вечность...
Вас ненавидят судьбы-вина, как сейчас, лихие.
Себе же накликавшие клеймо: конечность.

Стихи, вы плещетесь волшебными огнями над этим миром падшим,
вечно спящим

И жметесь к нам замерзшими ветвями, чрез дух на времена
смотрящими...

Стихи, вы из тончайших нитей сливаетесь в венки боготворенья
И смотрите из звездных литей лишь в тех, кто сам есть озаренье,

Кто Свет растит в провалах лет, на радугах его играя,
Ища в глазах больных отсвет грехом закрашенного рая.

(12) Соединю строками мир

Я хочу, чтоб все матери счастливы были,
Чтоб Весны паруса над планетою плыли,
Чтоб звенел небосвод от Любви и от птиц,
Чтоб пел солнечный зайчик из детских ресниц.

Венком в глазастой вышине поет Вселенная упруго...
В предвестьи счастья, что во мне, Земля вальсирует по кругу.

Соединю строками мир, и станет он для всех добрее,
Любовней, чище и полнее от струн давно желанных лир.

Лучу строками, берегу здесь — на Земле — Вселенной Нежность.
На том лишь — Вечном — берегу узрю-узнаю неизбежность

Свеченья этих рифм средь дней, залитых нелюбови болью,
Среди забытых душ-дверей суетами и чьей-то кровью.

XVIII. ТЫ — ОТ НИРМАЛЫ

(СУПРУГЕ ПЕТРИКОВОЙ ОЛЬГЕ КОРНЕЛИЕВНЕ)

(1) Срываются вуали тоски...

Пронесятся боги-стихи из Вечности в Вечность чрез тлен,
Как сердце твое, легки, срывают вуали тоски,
И сует уходит плен...

(2) На рифах из рифм

Ты, словно танцовщица, в *па* легких сих
На рифах из рифм строки чертишь,
Пуантами звезд наполняешь мой стих,
Строфы-галактики вертишь...

(3) В храме зачарованных лет

Пусть дней тарабарный бег грохочет в театре суёт,
Мы — в храме опущенных век и зачарованных лет...

Разрыв круга дел, разлом... Молчит времен метроном,
Звучит эолийский ном в полете флейтовом том...

Тайной твоих ресниц, кодами карих лучей
На тысячу древних страниц, шифром галактик-ночей...

(4) В гамаке Земли

Милая — День Божественный,
Зарею умытый в рассвет,
Ветер-хмель вечноженственный —
Талисман от зол-бед.
Милая — Ночь легкокрылая
Средь озаренья комет,
Песня неторопливая
На бесконечье лет...

Заполненные Солнцем сердце и душа
К тебе стремятся песней неземной —
К тому Небесному цветку, что неизменно, не спеша,
Любовью бесконечной лишь дыша,
Меня влечет к Творцу святой живой волной.

Лучи к тебе несутся ветров-строк моих,
Рождая Свет ответченный всегда..
Сейчас Земля несет нас ласково двоих —
Уйдет она, уйдут наши тела, но нет тех сил,
Чтобы могли нас разорвать... О, призрачна печаль могил!

Все, все едино, неразрывно в мире,
Вот и твои уста мои вне времени встречают.
Дарящих и берущих Бога поцелуи в Вечности уже ничто не
разделяет.

Пока нам Нирмала гамак Земли качает,
Потом струною станем в звездной лире...

Уже на грешной, трудной, вечно жалящей земле
Ушли от сна страдающих иллюзий-привидений.
Все страсти, бури, лжеслова стгорели на огне
Любви Космической, вне тлений,
Сотканной из Шри Магаджи свечений.

(5) Персики ланит

Сари твое — из солнечных лав,
Дыханье — из пульсов звезд,
В устах растворяются шелесты трав,
В очах — темно-карий плес.
Твой сон дарит мирру и мир среди бурь,
А Пробуждение — весь Свет
И Неба невиннейшую лазурь
Средь Богом дарованных лет...

Весь мир оказался свеченьем...
Что же со мною творится?
То Нирмалы звездное пенье
Тебя превращает в Жар-птицу...
Ну как здесь опять не влюбиться!

Вижу в наземье лишь знаки
Вышних миров безмятежных.
Те знаки — слепящие маки
Ланит твоих — персиков нежных —
Из Персии волн-солнц неспешных.

Что значат твои зовы-щеки,
Что с лютых ветров расцветают?
То, что пути недалеки
В мир, где лишь Счастьем внимают
И Свет всех миров понимают,

Где майя-иллюзия тает,
И вещи вселенной являют
Свою многомерь-постоянство
Во всех протяженьях пространства
Немых одновременных странствий...

(6) Волны божественно-карих глаз

Лазурным полетом ликует Любовь
Средь лиственно-призрачной грусти осенней...
Поет так во мне ланит твоих кровь
Над музыкой дней и царственных теней.

Все вдруг ушло в никуда, и сейчас
Правят Вселенной уста лишь немые
И волны божественно-карих глаз,
Да талые тонкие руки родные.

(7) Небесная Чаша Любви

Поет, зовет твой голос неземной,
Ему внимает моя лира —
Рождается полет светил немой
В волнах-пространствах из эфира...
Звенишь среди птиц, цветов и лет,
Сверяя тон по зорям росным,
О, сокровенный Чистый Свет,
Лучащийся дыханьем звездным...

Весны пробуждением объято пространство,
В котором счищается полымья-страсть...
Волною вселенской звучит постоянство
Велений Цереры*, их нежная власть.

На место рассыпанных трех измерений
Вошел в Небо Замок из Солнца-Любви,
В котором галактик плещется пенье
Над днями-тяжельями Геи-Земли.

Гулкая чаша Космоса-Театра
Огнями вселенных пронзает до дна,
Ими семь наших ветров объаты,
Сжигающих свитки времени-сна...

(8) Семицветье крылатых огней

Карий плес — вечноцарственный мир,
Без улыбки твоей я глух,
Ну а с ней — ветром радуг-лир —
Оживает души моей слух.

Моя верная песня-Ассоль — наднебесное чистое «соль»,
В нотных волнах строчек-чудес, от которых сей мир сном исчез,

* Церера — в италийско-римской мифологии богиня полей, земледелия и хлебных злаков, мать Прозерпины. отождествлялась с греческой Деметрой. В 493 г. на Авентинском холме в Риме воздвигнут храм в честь священной троицы: Цереры, Либера и Либеры, соответствовавшей греческой троице: Деметре, Дионису и Коре. Как божество плодородия и покровительница браков Церера тесно сближалась с Теллурией. Образ Цереры отражен в шванке Ганса Сакса, на полотнах Рубенса, Пуссена, Ватто, Бёклина. По тексту [4. С. 632].

Семицветьем крылатых огней среди чумы бессмысленных дней
Ты ежигаешь кровавую хворь — плетью злобы внесенную боль,
Весь считающий призраков мир: деньги, площадь орущих
квартир...

Я молю, чтоб надзвездный твой свет, по кругам мирозданья летя,
Пробуждал эту жизнь много лет, к Эвересту прозренья ведя.

(9) Звездная хореография

Как Моцарта флейта, волшебная ты,
Чиста, будто звездный ветер,
И схожа с прохладой тальи иль мечты,
Как лик твой соборами светел!
Все краски Любви собрал Космос в тебе,
Струн-строк дождем освятил их...
Ликующей дугой семицветий в судьбе,
Солнцем сосновых милых
Кареоцид — галактических глаз —
Древнейших нектаров Вселенной,
Дарящих о мирозданьи рассказ
Нечаянно-сокровенный...

Несутся волны карих глаз — то ты поешь крылами-днями,
Входя, как ирисы, в экстаз, танцуя звезд их вензелями,
Рисуют золотом глаза спокойный лет планет беспечных,
Что говорят на голоса легендами пророчеств млечных.

Сандаловый их веер-плеск курится зеркалом-пространством,
Галактик скрябинским убранством, где ветры звезд крапят свой
блеск.

Глаза встречаются твои вдруг с тайной грусти вековечной —
В них вдруг пошли дожди, дожди всей осенью остроконечной...

(10) С тобой — во древи лет

Холодным вечером сырым нас кутает уют,
И боги его домний дым в мир тихим счастьем льют.

Сивиллы с далей неземных свое участие шлют
И в снах отравленных своих луч нашей жизни пьют.

Обратной связью тысяч лет ты в антику летишь,
А я, как вечный твой поэт, следую тенью лишь.

И вот ты в ритмы тех колонн привносишь гул пространств,
В котором древний чистый ном, с тобой сливаясь в сне одном,
Поет рекой убранств глядящих в Вечность алтарей...
Вдруг вижу рока ад: Атрей*! и месть Эгисфа... Театр зверей,
В котором ненавистье дней сегодняшних. О ветер Борей!,
Несущий стон до сих часов, хрипенье жутких голосов
Средь умирающих лесов...

О твердь моя, Любовь-Весна, прости, что описал в сих снах
Не то, как ты чиста, ясна, стройна, как карья сосна!

Я был с тобой во древи лет как неизбывный мир-поэт,
Невольню приоткрыв другой, где крик под роковой пилой...

(11) Боль России

(Слушая, как ты играешь Сонату Метнера оп. 22 (g moll))

Ты играешь на струнах сознания,
Прикасаясь к ветру созвучий
И рождая суть мирозданья
Через тайное с музой свиданье,
Напоенное танцем певучим...

Окружают стоны аккордов
Очарованный замок печали...
В разметающихся ритмах-офортах,
В плаче их от piano до forte
Не душа выводит твоя ли

Боль России на этом рояле?
Не стенают ль здесь звонницы-гласы
По растоптанным храмам Духа?
И не корчит ли Ад гримасы
В мгле винтовок у самого уха?..

* Атрей — мифический микенский царь, сын Пелопса и Гиплодамии, внук Тантала, отец Агамемнона и Менелая. Изгнал из страны своего брата Фиеста за то, что тот соблазнил его жену Аэропу. Позднее, притворившись готовым к примирению, Атрей пригласил Фиеста вернуться в Микены. Когда тот прибыл, Атрей зарезал его сыновей и накормил отца их мясом. Вторая жена Атрея — Пелопия — дочь Фиеста — родила сына Эгисфа, которого задача в греховной связи со своим отцом. Позднее Атрей приказал Эгисфу убить Фиеста, но Эгисф узнал в Фиесте своего отца и, жаждущий мести, убил Атрея, а позднее и его сына Агамемнона. По тексту [4. С. 60].

Сколько тайн посвящают слуху
Твои чуткие пальцы-птицы!
Как еще раз в тебя не влюбиться
И в волнах сих не поклониться
Ренессансу страны чрез разруху?

(12) Темно-каряя птица

Через грозди вселенных? По Сатурнову льду? —
Нет, по звукам непленных твоих гимнов иду.

Вновь костер разжигаю, а горит в нем мой стих,
И тебя согреваю светом песен своих.

Ты теперь не озябнешь, летя рядом со мной,
И душой не ослабнешь, потому что я — твой.

В нашем светлом жилище, женским счастьем звеня,
Ты все повода ищешь посмотреть на меня.

Темно-каряя птица, поднебесная бровь,
Как игриво стыдится на щеках твоих кровь.

XIX. ПОЛНИШЬ-ТАНЦУЕШЬ ОГНЕМ (О. К. ПЕТРИКОВОЙ)

(1) Астральная симфония

Астрал твоих бесплотных рук
Светится над громадами столетий.
Так вознеслась: как чистый звук
И отчеканилась восторгом междометий,
Что так стесняют мою речь,
Когда пытаюсь подобрать названье,
Тому, что можно лишь беречь
Неутоленностью желанья.

Полнишь-танцуешь огнем —
Взрывающим сердце признаньем,
И быстрокрылым конем
Летит с Неба Счастья Знанье.

Навстречу весенним ветрам,
В которых поют твои руки
Как будто от долгой разлуки
Назло всем суётам-делам.

(2) Волны сердца твоего

Ты — тайна древних рун —
Вибраций-песнопений,
Летящих звездных струн...
Ты — музыка велений.

Как хороша ты, как желанна!
Как неустанно ищет сердце волн из сердца твоего,
Как счастье это несказанно!
Для психоаналитика ж, который «раскрывает таинства
рождения стихов и прочих творческих процессов»,
конечно же, все это очень странно,
Но сей «паталогически случайный (акцидентный)
для эпохи Кали-Юги (лженасилья) случай»
указывает все ж на Вечной Благодати торжество.

(3) Чаша Творца

Стихов божественная нить
Пронзает все энергии-пространства.
У них один исток — Творец и Его Чаша, из которой
жаждущие Духа могут вволю пить,
Вкушая Его Света постоянство.
И ты, моя поэма, ветер-Весна,
Из Бога тоже создана.

(4) В звучаньях арф стихов

Высокие созвучия твоих святейших чар необоримых
Стараюсь воссоздать на струнах строк:
В звучаньях арф моих стихов, тебя хранимых.
От их музыки Солнца свет тугой — вселюбящий поток —
Целует волнь твоих волос, летящих в Вечность,
хрипа карм помимо.

(5) Вибрации высокого волнения

Как персиково-солнечен твой лик — души сонет!
Он превращает ее удивленно-детский свет
В волнистый пурпур фей и ветров,
Которые влетели в этот строк букет...

(6) Скрежещет жизнь по рельсам дел...

Скрежещет жизнь по рельсам дел,
Приходишь ты, чтоб я горел,
Во снах в далекий Петербург,
Мой ангел — счастья демиург.

(7) Из волн и из ветров

Следы твоих глаз с этой планеты
В Вечность возьму и строфами зажгу
В пламени нежности, солнц и рассвета,
Цветами Весны на проталом снегу.
Вновь возродишься из волн и из ветров,
Собою заполнишь весь мир на бегу
Надев ожерелье жарков и рассветов,
Меня запоешь на Уйменском лугу.

(8) Светятся Духа аккорды

Что это? Скрябин звучит по Вселенной,
Звездами светятся Духа аккорды.
В них — беспредельности ветер нетленный...
Поет разметающий взгляд твой нетвердый.
Скрябин ликует всею тобою —
Космосом струнным, где нежность и талость.
Созвучия рук твоих пахнут сосною.
С них в клавиши входит полетность и шалость.

(9) Звездный воздух

По пенью флейты дня, по дуновенью ветра
Идешь ко мне, звеня семью чудесами лета.
О, бесконечный друг, о авлос — музыки воздух,
Нас не затронет круг суёт промозглым мозгом.

(10) По свечению мантр и ветров

Мой ангел далекий, в кармической тьме
Ведет путь сонетов и ечества к тебе.

Влечу по свеченью мантр и ветров
К тебе Эос пенем — истоком миров.

Ничто не зайдет к нам из чужи-брета,
А значит, не смелет плутовка-беда.

(11) В храме твоих магий

В запространствах-надзеркальях
Льют Любовь твои ресницы,
Щеки шлют Земле зарницы,
Нежат их в рассветных далях.

Багрянопылкий мой архангел!
Ты в этом липко-жутком мире
Зовешь в заоблачное танго,
Лиясь рассветами в эфире.

Цветов и лет планеты-сферы
Дарят нам эль Весны-отваги.
Все обольстительницы серы
В сравненьи с храмом твоих магий.

Твоих бровей разлет хоральный
Пронзает чистою волною,
Через высокий свет астральный
Сливаясь в Вечности со мною.

(12) Чистые снега

Твои восточные глаза пытливы и гостеприимны,
И, если счастье светит нам, лучат они его же гимны.
Когда ж стучится в дверь беда, как гостью, ты ее встречаешь,
С ней плачешься про холода и головою в такт качаешь.

Изведав горечь гостыи той, несешь ей чашу всепрощенья.
Не выдержав сей светлый бой, бежит она рекой забвенья.

XX. ДОРИЧЕСКИЙ ТОН ТВОИХ ГЛАЗ (О. К. ПЕТРИКОВОЙ)

(1) Ритмы разлуки

Глаз твоих свет печальный;
Их дорический тон
Поет, словно колокол дальний,
Или собор хрустальный,
Будя миров перезвон...

Сердце — счастливая просинь —
Дарит блюз-мираж рук-ветвей.
Вечность сейчас — не осень...
Вáлится цифра «восемь»
С орбит в бесконечность дней...

Глаз поток безначальный
Несет галактик сонет...
Ресниц перелет венчальный
С разлукою светлой, дальней
Рифмует трувер-поэт.

Вино твоих слов неожиданных —
Слепому в подарок свет...
В нем в длени звездной нирваны
Целятся рваные раны,
Целуются ветви лет.

Любовь, отзовись в созвездьях,
Грусти уйми дожди,
Болью-стеклом не тресни,
Космической Нирмалой-песней
Ко мне с высоты лети...

(2) В свитках дней

Песней счастья с тобою звучу
Под вселенские струны-орбиты.
И у ног смуглых солнцем молчу
И стихами, что в Небе разлиты.
О полет в лучезарный Эдем,
О Высокий Завет заповедный,
В свитках дней — бысролетных поэм
Я храню тебя — Бога дар светлый.

(3) Хранительница Радости

Мой Чистый ангел — воздух, ветер, шелест,
Хранительница Радости, Святая Мудрость,
Смиренья твоего божественная прелесть
Гармонией своей сжигает будней хмурость.

(4) Среди вальса снега

Тебе подвластно все: и звезд свеченье,
И зов Деметры* среди вальса снега.
Благодарю тебя, Вселенной озаренье,
Любви творящей альфа и омега.

(5) Щеки, звучащие феями и ветром

Ты, как ребенок, солнышком полна,
Восходишь в трудный день без дна
Волною трогательно-светлой.
Карь индианских глаз — всегда Весна,
Ланиты — алая страна,
Что феями звучит и ветром...

(6) Выюг обнажился лик

Ударил морозный старик
Посохом крепким круто,
И в сей же воинственный миг
Выюг обнажился лик —
Зима досаждаст кому-то.

Но в нашу венчанную кровь
Нирмалы свадьбы белой
Тот хладень заиндевелый
Несет свет звезд и Любовь.

(7) В странах глаз твоих

Кареочая богиня!
В твоих ветрах я светлею,
В странах глаз твоих немею
И лучусь свеченьем линий.

* Деметра — в древнегреческой мифологии богиня плодородия и земледелия, дочь Кроноса и Реи, сестра и супруга Зевса, от которого она родила Персефону. Одно из самых почитаемых олимпийских божеств. Древнее хтоническое происхождение Деметры засвидетельствовано ее именем (буквально: «земля-мать»). Культурные обращения к Деметре — Хлоя («зелень» и «посев»), Карпофора («дарительница плодов»), Фесмофора («законодательница», «строительница»), Сито («хлеб», «мука») — указывают на функции Деметры как богини плодородия. Она благостная к людям богиня, прекрасного облика, с волосами цвета спелой пшеницы, помощница в крестьянских трудах. Она наполняет амбары земледельца запасами. К Деметре взывают, чтобы зерна вышли полновесными и чтобы удалась пахота. По тексту А. А. Тахо-Годи [2, Т. 1. С. 364—365].

Дух твой неумолчен, вечен,
Звездною поет волною.
Нет конца его прибою,
Он, как Небо, бесконечен.

(8) Багрянца запредельный плес

Тебя — цветок из огненной зари —
Я обнимаю среди лет и звезд,
А ты частицей Нирмалы горюшь,
Луча багрянца запредельный плес.

(9) Кровь зорь

Кружится ветер от вин любви,
Настоенных на зорь крови...
Ты где-то вне предела звезд
Обручена с янтарем слез
разлуки...

(10) Картины-обманницы

Луною вошел в отметины прошлого,
И в сердце отдались их тайные знаки,
Свились в пламень огня полуполночного
Ветры шафранов, безвременья маки.

Здесь заточен твой след феи-багряницы,
Даже пишу там, где росчерки девичьи.
Память колышат картины-обманницы,
Вьют в них ноктюрны пальчики феичьи.

Ушедшие ветры в скелетах дней молятся,
Судьбы спасая нашими встречами,
Новые ветры Нирмалой строятся
(Знаком Ее Вечным отмечены).

Не бойся той прошлой — себя же, багряницы:
Только твои зорь слова настоящие,
Только твои звезд глаза могут глянуться,
Радостью-радугой встречи светящие.

(11) Стены из ветров романских

Слайды... Годы... Ты, прижавшись,
Как ребенок, вся со мною.
Там и здесь. Так, не расставшись,
Мы из Неба замок строим.

Среди лет возводим к Выси
Стены из ветров романских,
Будней суетные рыси
Исчезают в рифмах-танцах...

Мы меж ними в поле Света
Постигаем суть Вселенной.
Этим счастьем вся планета
Говорит средь Ойкумены.

Так несем цветам и людям
Солнце средь вестей посмертных
И невежество не судим —
Ему тлеть в угарах серных.

(12) Преходящее и вечное время

Утро в потоках счастья...
Радость чистая светит...
Мы — озера согласья —
Шалим, будто малые дети.

Кот расколел кофейник,
Это — к заморским ветрам...
Ах, ты плут-подстатейник!
(Уплыл виноватым фетром).

Томик, клубок полосатый,
Что на тебя накатило?
Взгляд твой важноусатый —
С улыбкой к нам солнце вкатило...

Это зеленое время
Секундами жметса-роится...
В больное вонзаясь племя,
Оно по кругам все мчится.

И тленной обманной волною
Тянет в пространство земное...
О время, не будь со мною,
Чтоб стать вне тебя стрелой!

Летящей симфонией в Страны
Иных миров — безобманных —
Сквозь Темени океаны
Потоками горней Праны...

Смотрю Непостыжным Оком,
Как Бог нас целует потоком,
В котором ты льешься ланью,
Ланитным своим пыланьем.

XXI. ЛЕПЕСТКИ НИРМАЛЫ

(1) Лютни-облака

Посвящается Олегу Жданову и Татьяне Шараевой

Набрякла ароматом ночи вата облаков,
Ушла в беспамятство их нежная гряда..
Стихи над ней гарцуют где-то высоко —
На огненных волнах, в немых садах.

Их одеянье — Свет, их сердце — Дух,
Их время — Вечность, влитая в мгновенья.
Среди столетий, праздников, разрух
Даруется их моцартово пенье.

Восход. Заря. Подоблачное плато,
Подсвеченное солнца апельсином —
Лилово-фиолетовый коктейль с клубничными морями...
Блуждает дымчатое пенье облаков над миром керосиным,
Подколото-прикнопленным с линейками-полями.

Но этой музыки не видит геометр
Своим цифирьным запыленным полушарьем,
Не ведает как в ней солирует Жар-птицей ветр,
Затем с зарею тает и возрождается над сонным заполярьем.

Глаза, идите в лютни-облака,
Поправшие земные этикетки —
Там поступь ваша ангельски легка,
Как трель зари на утра ветке.

(2) В костяшечном мире-обмане

Зовет Сарасвати*: «Свети!»,
Чтоб вежды людские раскрыть»,

О счастье: на Вышнем пути
Лугами стихов говорить;
Я песен ее златый Храм
Дарю тем, кто вхож в Сатью-Век,
С чужих иссыхает кто ран,
Кто уже — Человек!

Посвящается Д. И. Литасову

Отдельные звезды, признанья и люди,
Деревья, хвоинки, слова, веры, расы,
Отдельные буквы, преступники, судьи,
Котьята, цветы, кинотеатры и кассы.

* Сарасвати — (древнеиндийское имя собственное, буквально: «относящаяся к воде», «изящная»), в древнеиндийской мифологии река (главная для ведийских ариев) и ее богиня. В основе этого образа — река Сарасвати в северо-западной Индии, важный рубеж в истории миграции ариев. Есть мнение, что Сарасвати — сакральное название Инда. В «Ригведе» Сарасвати является наиболее почитаемой рекой. Она упоминается в ряду с Сараю, Синдху как великий поток, а также вместе с Гангой, Ямуной, Шутудри, Парушни и др. Синдху называется матерью Сарасвати. В «Ригведе» рассказывается о царях и людях, живущих по берегам Сарасвати. Ее поток превосходит все другие воды, вода ее чиста, своими волнами Сарасвати разрушает горные вершины (она полноводна, стремительна, течет от горы к морю). Она семичленна, и у нее семь сестер, она — мать потоков, лучшая из матерей, рек и богинь, дочь Павиру, молнии. Сарасвати заполняет воздушное и все другие пространства. Ее просят спуститься с Неба, с великой горы и принять участие в жертвоприношении; она называется асурской и божественной (говорят о ее небесном происхождении). Сарасвати — очистительница, она лечит Индру, несет дары, пищу, потомство, жизненную силу, бессмертие; упоминается ее грудь и ее молоко; она создает телесный плод, и она же — убийца врагов. У Сарасвати золотая колесница, она богата лошадьми, защищает певцов, связана с поэзией, она — богиня священной речи. Не случайно, что уже в брахманах она отождествляется с Вач, речью, а в послеведийский период вообще становится богиней красноречия и мудрости, супругой Брахмы, изобретательницей санскрита и алфавита деванагари, покровительницей искусств и наук (подчеркивается красота, изящество, простота, белизна Сарасвати). В ведах Сарасвати с Илой и Бхарати (иногда с Махи и Хотрой) образует триаду, восседающую на жертвенной подстилке. В послеведийскую эпоху изменение функций и облика Сарасвати соотносится с появлением новых сюжетных связей. Сарасвати очаровывает стражей небесной сомы (божественного напитка) гандхарвов (полубогов, певцов и музыкантов, услаждающих своей музыкой богов) и выманивает у них сому, сама же уходит к богам. По тексту В. Н. Топорова [2, Т. 2. С. 409].

Вон то — позадорней, а то — погрустнее,
Пожиже — погуще, послаще — погорше,
Грубее — нежнее, свирепей — добрее —
Как нас от сравнений бесчисленных топорщит.

Здесь «добыча угля», там — головы бычьи —
Названья, оценки, проценты, собранья,
Акценты, специфика, маски-обличья —
Премножество множеств, но дробь — от незнания.

Мы — люди — как капли в бочонке людского,
Людское же — капля из моря *живого*.
Отдельность — химера, сушь мозга мозолей,
Весь мир разболтавшего в аэрозоли:

В открытья, секреты, сенсации, вести —
К извечному Знанию видно из мести.
Пестрятина жажд Вечный Луч расщепила
И всеединенье тьмой разрубила.

Все приспособилось к дури не-духа,
О чем вопиет Ван-Гогово ухо,
Поправ отделенных частей умиранье.
То, что не в Вышнем Едином — страданье.

(3) Музыка прохлады

Свет бескрайнего Вечного Мира
Пробудился в восставшей душе.
Про него стихов веточка-лира
Говорит бездны лет уже.

Этот Свет, Любовью пронзенный,
Отдается среди всех миров,
Тихой нежностью напоенный
И премудростью Святых ветров,

Нисходящих к нам, веком грешным,
Хладом-невидью средь духоты
И поющих ветром нездешним —
Духом Радости и Чистоты.

Все восторженней, звонче потоки
Расцветают огнем немоты,
Разливая блаженства токи —
Детской искренности цветы
удивленья пред откровеньем...

(4) Вечной Юной Невыразимой Женственности

Ты — зов садов Весны Крылатой,
Сама Любовь в лучах отрадных,
Несешь в сих строчках ароматы,
Летя Вселенной Волн Прохладных.

Ты — все, что есть в мирах бесчисленных:
Цветы и боги, ветры, птицы;
В очах Твоих — Огнях Полетных —
Поют их совершенства лица,

Чаруют светлым волшебством
И останавливают смуты,
Пронизывают волховством
Вот эти строки — зори-руты.

Летят вселенные в Вечность, вселяясь в Тебя стихами, —
В Ту, что Сама Бесконечность с Небесными лишь Берегами...
В брегах этих — вольных солнцах — танцуешь проталой Весною,
Из всех галактик-оконцев ручьями журчишь со мною.

Этому ритму внимая, я уношусь все выше,
В сердце упругье вбирая тех *на*, что розами дышат.

Цветешь и кружишься Деметрой (то есть Сама Собою),
Лютней звучат Твои ветры и мною — космичной водою...

Поют движения вольно в лугах неизбынно прекрасных
Так солнечно, чисто и стройно и так возвышенно-страстно.

Знаю, что Ты есть Церера и Ты же — Любовь-Афродита.
Как гибкость морей в Протее*, — в земном блаженстве разлита.

* Протей — в древнегреческой мифологии морское божество. Как сын Посейдона Протей наделен всеми традиционными чертами морских богов (ср. с Главком, Нереем, Фоком): старостью, облием детей (протидов) или подопечных (тюленей), способностью принимать облик различных существ и многознанием; он — пастух тюленных стад. Как сын Египта и супруг Псаматы Протей царствует в Мемфисе. Геродот считает имя Протея титулом «па-рути» («фараон»). Протей скрывает свой пророческий дар от всякого, кто не сумеет поймать его истинный облик. У Протея в Египте находилась настоящая Елена (в то время как Парису достался только ее призрак, поскольку Зевс или Гера подменили подлинную Елену. После падения Трои Протей рассказывает Менелая о судьбе греческого войска; Менелай добился этого с помощью дочери (или жены) Протея Эйдотей, предупредившей, что, хотя Протей и будет превращаться в разных зверей (льва, пантеру, змею, быка, кабана, птицу и обезьяну), потом в огонь, воду и дерево, его нужно держать до тех пор, пока он не остановится на собственном облике — сонливого старичка. Эпизод «Одиссеи» уже в античности стал объектом аллегорических толкований: стонки видели в Протее аллегорическую материю (эту традицию продолжает и Ф. Бэкон), оформляемой Эйдотеей (буквально: «богиня формы»). По тексту Г. Ч. Гусейнова [2. Т. 2. С. 342].

Сбросила тело-одежду, духом зарю рисуешь,
Лучишься возвышенно-нежно и только одним лишь рискуешь:

Стать ветром вот в этих стрóках, таких же, как Ты, счастливых,
В лугах их полетнооких веять в цветах игривых;

Рискуешь стать ласточкой-песней, из этих — Твоих же — букв,
Светясь все тоньше, чудесней гирляндами хвойных звуков;

Рискуешь стать захмелью-полем, Солнцем, целующим морем,
Ручьями блаженства немого — божественного и земного.

(5) Адские сапоги-невидимки

О Бог-Отец, я приношу Тебе те строки,
Что Мать — Святейший Дух —
В меня вселяет.
В них вéка нашего прискорбные уроки,
Которые познал сих стрóf пытливый слух,
Что сути всех событий выявляет.

О Вседержитель, Бог-Отец!
Твоей живет все сущее Любовью,
Огнем Твоих золотострунных Арф-Небес!
О, если стану Твоим Оком, наконец,
Что сделать с сожаленьем-болью,
От виденья как в души Чернотой
заскальзывает Бес?

По поэзии полям стрóf несется дух с утра,
Закипает там и сям на полях тех не игра:

Бестелесные враги нападают на святых,
Невидимки-сапоги топчут агнцев золотых,

Выбивают им глаза, с вождельем рвут лучи,
Что даруют Небеса Правды. Та же не молчит:

Вместе с Вечностью поет, разливая Чистоту,
В солнцах и сердцах-искра́х мирознания полноту;

В летних радугах-дождях, освящающих леса;
В детских локонах, глазах, знающих о чудесах;

В кружевах-мирах ветров с перевалов синих гор;
В аромате влас-садов, дарающих Весны узор...

Друг мой, Зло в нас не войдет, если нет ростков его
В нас же. Пищу не найдет, если сердца твоего

Светел, вечен, дивен путь, если знаешь ты Любовь —
Всей вселенной Радость-суть, если ты родился вновь.

Духом солнечным своим, если голос, плоть и кровь
Служат Небесам одним, Ты тогда — боец; готовь

Мечь для брани, что грядет в этих ожидания днях.
Ад на Свет всей тьмой идет. Стоек будь в любых боях:

Малых, что в тебе болят; средних, где молят-кричат;
Крупных, что войной горят; судных, что Землю крушат.

(6) Ликующий Святоград

Звездные ветры Нирмáлы-любви
Поют орхидеями Счастья.
Нас среди них Всевышний творит,
Но жаль, что в краю напастей.

Кармы стучит механизм часовой —
Вертятся сцены последствий.
Бьются актеры о Тьму головой,
Летя в мясорубку бедствий.

Волной нежноокой Любви аромат
Шри Матаджи Деви разлился,
Вознесся Ее сострадания сад,
Портал в Небеса растворился,

Что вне колеса Сансары лежат:
В сияньях иных измерений,
Прохладным кружевом облак дрожа,
Звуча жемчугами прозрений.

Среди парусов молчанья
Возношусь в хрустальном Храме.
Святы́й Дух льет Сини-знанья,
Замирая пред свечами;
Кундалини бьет волнами.

И в купелях созерцанья —
Горних куполах Любви —
Неба чувствую пронзанье,
Возношусь молитв дворами
И мотетами Витри*.

Во Вселенной Негасимой,
В ликованья Святограде
Бесконечностью хранимый
К Зосиме тянусь осиною
В мудрой осени наряде...

Перламутровым потоком
Из бесчисленных цветов
Арфою лучусь стоокой
Над планетою жестокой,
В сонмище из голосов;

И уходит ад удушьем,
Китежа звенят сады,
Задыхается бездушие,
Тьма себя же тьмою крушит...
Посмотри — светишься ты!

Это ветер Нирмáлы веет
Под немой восторг Отца,
На Земле Весну лелея,
А гиены-лицедеи
В жге геенны ждут конца.

Все религии светлятся
Из-под копоты веков;
Мертвые обряды злятся,
Над собою же глумятся,
А с Всевышним — так легко!

* Филипп де Витри (1291—1361) — французский композитор, музыкальный теоретик, философ, поэт. Один из основоположников музыкально-поэтического искусства Ars nova. Ему приписывают 4 трактата, в том числе «Ars nova» (ок. 1320 г.), в котором он обосновал нововведения западноевропейских композиторов XIV в.: использование в качестве консонанса терции и сексты, а также 2-дольного метрического деления наравне с 3-дольным, подчеркнул выразительное значение полутона. Новые композиционные закономерности отразились в его 3- и 4-голосных мотетах, где использовалась техника изоритмии, связанная с независимым многократным проведением ритмической фигуры (talea) и звуковысотной (color) в одном из голосов мотета (как правило в теноре). По тексту [3, С. 575, 206].

Он через Нирмалу-Матерь
Рагой Радости поет.
Входит Солнцем Юга-Сатья
И согласие в сердце льет.
Чистоту планета пьет.

Ввысь ведет ее Любовь,
Глохнут адовы ветра,
На которых — стон и кровь,
Плещется улыбок Новь,
Кончена во Зле игра!

(7) Это Вечно

Мне Мать стихи свои дарит,
Наполненные Светом вольным,
Она о звездах говорит,
О том, что жить вовсе не больно,

Когда ты веруешь в Любовь
(Иная вера — не святая),
Когда себя ты вновь и вновь
Приносишь в ад земной для рая.

Вечный тихий день... облака стоят...
Распростерлась лень... Птицы не летят...

Я с детьми в бору волнь костра разжег...
В огненном ветру — молдаванский жок*.

Среди хвойных троп ждем мы Солнца вновь...
Осеняет лоб осени Любовь

От нее светло, ей костер поет,
Солнце лета льет — вольное тепло.

Кружева углей космосом звенят,
Пригоршни огней нам глаза светлят...

* Жок (молд., букв.— танец) — массовый молдавский народный танец. Разновидности: жок-бэтринеск (танец стариков), жок-деглумэ (шуточный) и т. д. Движения динамичные. Размер — 2/4, встречаются также 6/8 и 3/8. В различных районах Молдавии существуют самостоятельные варианты музыки и танцевальных шагов. По тексту [3. С. 194].

(8) Молчанье блаженством

Утро — вновь с листком
Рифмами дышу,
А потом бегом
Пустоту тушу.

Хлопотна та часть —
Врань суёт палить.
Дергается пасть
Лжи — как хочет жить...

С нового утра
Только Мать-Весна,
И лучей игра
Солнца — против Сна.

Утро дарит росу Чистоты,
Прохладой Небес говорит.
Спускается с Неба Поток Красоты —
То Нирмала-Мать к нам летит.

Ее всемогущие волны бегут,
Нас уводя из Ночи.
Святы покой они берегут —
Тот, что блаженством молчит.

Звездные токи текут — Радость ткут,
Ликуя во всех мирах,
Освобождая от бранных пут,
Сжигая кандалный их страх.

Лучится Шри Матаджи Вечный Гимн
Зарей, изгоняющей Тьму.
Святое в нас сливается с ним,
Вторя Любовью ему.

(9) Поднебесья Царство

В лученьи Атмы-Духа
Царит одна Любовь,
Священнейшего слуха
Касаясь вновь и вновь.